

УДК 327

В. И. Пефтиев

<https://orcid.org/000-0001-62-8267>

Векторы политических перемен в России

Для цитирования: Пефтиев В. И. Векторы политических перемен в России // Мир русскоговорящих стран. 2021. №2 (8). С. 28–41. DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8-28-41

Статья посвящена презентации и анализу политических перемен, заявленных и ожидаемых к середине 20-х годов XXI века. Систематизированы основные факторы, закрепившие общественный запрос на перемены. Обоснован вывод о том, что национальные проекты знаменуют собой третий этап эволюции матриц стратегического управления после а) адресных заданий (советские пятилетки) и б) контрольных цифр (индикативное планирование и таргеты эпохи глобализации). Показано, что квинтэссенция конституционной реформы заключена в соразмерном и согласованном участии Президента и Государственной Думы РФ в формировании федерального правительства, ключевого звена исполнительной власти в России. Высказана гипотеза о движении политических партий России к центризму, согласительной практике. Констатирован дисбаланс *de jure* и *de facto* в реализации прав граждан на труд и образование. Россия добивается оптимизации суверенитета с вызовами глобализации, активно выполняет роль посредника в урегулировании международных конфликтов (Сирия, Иран, КНДР, Украина). Высказана рекомендация о желательности легитимизации приватизационных сделок 90-х годов прошлого века. Автор руководствуется предостережением античных мыслителей *kaïros*: «Политические преобразования надо делать не слишком рано, но и не слишком поздно».

Ключевые слова: Россия, национальные проекты, политический центризм, рекомбинация суверенитета, глобализация.

V. I. Peftiev

Vectors of political change in Russia

The article presents and analyzes the political changes announced and anticipated by the mid-20s of the XXI century. The main factors shaping the public demand for change have been systematized. The author substantiates the conclusion that national projects mark the third stage in the evolution of strategic management matrices after a) targeted assignments (Soviet five-year plans) and b) target figures (indicative planning and targets of the globalization era). It is shown that the quintessence of the constitutional reform lies in the proportionate and coordinated participation of the President and the State Duma in forming the federal government, the key link in the executive power in

© Пефтиев В. И., 2021

Russia. The assumption is made that political parties in Russia are moving toward centrism and consensual practice. There is a de jure and de facto imbalance in the realization of the civil rights to work and education. Russia seeks to balance sovereignty with the challenges of globalization, being an active mediator in resolving international conflicts (Syria, Iran, North Korea, Ukraine). It is recommended that the privatization transactions of the 1990s should be legitimized. The author is guided by the warning of the ancient thinkers kairós: “Political transformations should be done not too early, but not too late”.

Key words: Russia, national projects, political centrism, recombination of sovereignty, globalization.

Введение

Послание Президента Федеральному собранию РФ (15 января 2020 г.) всколыхнуло общественно-политическую жизнь страны. Программа перемен, объявленная *В. В. Путиным*, отличается от предыдущих масштабностью и неожиданностью нововведений. Она опередила самые потаенные ожидания оппозиции; в этой связи ей (оппозиции) было бы саморазоблачением открыто и «с порога» их блокировать идейно-политическим неприятием. Не в счет маргинальные движения, группы и их «лидеры», профессиональные скептики и пессимисты. Великий почин Президента РФ вышел за узкие пределы пакета поправок, обсуждавшихся с осени 2018 г. (25-летие Конституции 1993 года. Завершается эпоха «просвещенного авторитаризма» (два десятилетия) со своими достижениями и заблуждениями. Россия начнет поиски алгоритмов ответственной демократии: президент вместе с

парламентом осуществляет чувствительные реформы.

Послание Путина нации (2020 года) – государственный документ регулярный и вместе с тем экстраординарный. Его уникальность вызывается среднесрочными событиями (датами), которые нельзя отменить: выборы депутатов ГД (2021) и Президента (2024, последний срок президентства *В. В. Путина*). Но подталкивают к радикальным переменам и системные факторы, императивы, не терпящие дальнейших отсрочек. Они должны быть названы и хотя бы кратко представлены.

Первый в порядке очередности – *турбулентная глобализация*. О кризисе глобализации (с 2009 г.) знаем многое, но не все. В политологии чаще всего вовлекают в научный оборот концепты системный кризис, хаос, общество риска (повышенных рисков), неизвестность будущего и др. На устах и эмоциональные метафоры типа «мир в ключьях», «Великая трансформация», «Вселенская катастрофа» и др. [Бек, 2007; Власть и политика, 2012]. Не покушаясь на обоснован-

ность приведенных формулировок, полагаем, однако, что недостаточно изучен критерий кризиса – сила и скорость глобальных изменений (со знаками плюс и минус). Может быть, стоит апробировать концепт турбулентности, знакомый издавна физикам и химикам. Турбулентность применительно к глобализации означала бы резкие колебания, бурные течения, завихрения в политической хронике стран, систем, мега-регионов. Турбулентность может предвещать крутые виражи поколенческих и вековых трендов. К бифуркациям вселенского масштаба относят изменения климата. Эффект «созидательного разрушения» (*Й. Шумпетер*) вторгается и в сферу взаимодействия экологии и экономики. Международные обязательства России по Парижскому соглашению (2015) весомые, но опережающие и купирующие неблагоприятные сценарии и последствия изменения климата до середины XXI века. Аналитики прогнозировали, а статистики констатировали (пусть и с запозданием) замедление мировой экономики, не исключая Россию и Китай. Угроза Великой рецессии трактовалась как а) зазор (пауза) между фазами цикла Кондратьева (50–60 лет), так и б) «новая норма» Т. Пикетти [Пикетти, 2016]. Глобальная рецессия и пандемия добавили новые загадки для власти и мирового бизнеса такие как отрицательные процентные ставки, денежные вливания («программы количественного смягчения, QE) без

инфляции, приток сбережений без инвестиционной отдачи и др. Видимо, мировой кризис 2020 года вызван и внешнеэкономическими (инклюзивными) факторами. Чаще всего называются доверие (недоверие) к власти, деловой климат, изъяны политических институтов.

Стратегия национальных проектов (*далее НП*), обнародованная Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г., – новаторский замысел с акцентом на ускорение социально-экономического развития, повышение благосостояния граждан, укрепление международных позиций России. НП знаменуют собой третий этап эволюции матриц управления, вобравший в себя достижения предшественников: а) адресных заданий (директивное планирование Советского Союза, довоенные пятилетки в особенности); б) контрольные цифры (индикативное планирование послевоенной Франции и таргеты эпохи глобализации). Проектный метод становится общенациональным ориентиром для всех ветвей власти, сегментов бизнеса и гражданского общества (а не только для фирмы, отрасли, территории) после тщательного отбора приоритетов и вариантов инвестирования. Пандемия вызвала падение ВВП России до 3,1 %, Китай добился восстановительного роста более 2,3 %. Новое федеральное правительство (*М. Мишустин*) приступило к устранению обнаруженных ошибок, препятствий, опозданий в реа-

лизации отдельных национальных проектов. Напрашивается и безотлагательная коррекция ассигнований, инвестиций, заданий в соответствии с Посланием президента. Прорывной статус НП, на наш взгляд, недооценен и/или искажен не всегда конструктивными дискуссиями в научно-политическом сообществе России. Расхождения в приоритетах пока не поддаются компромиссам.

Новая стратегия России (июль 2020 г.) определяет национальные цели и приоритеты на текущее десятилетие, вытекает из назревших и ожидаемых реформ в экономике и политике России на текущее десятилетие. Перечень назревших и ожидаемых реформ впечатляет; и каждая – судьбоносная, с множеством субъектов и акторов, с выигравшими и проигравшими, со своим алгоритмом (матрицей).

1. Завершение *пенсионной реформы*. Острые дискуссионные пункты: а) коэффициент замещения, то есть отношение среднего размера пенсии к среднему доходу (соблюдение рекомендации Международной организации труда – МОТ); б) размеры взносов в Пенсионный фонд (ПФ) работодателей и лиц наемного труда (ЛНТ); в) софинансирование государства; г) устранение неравенств в пенсионном обеспечении («бедные пенсионеры»).

2. *Налоговая реформа*. Плоская шкала НДФЛ (подходного налога) не справедлива, но она обеспечивает высокую собираемость поступ-

лений в бюджеты. Надежды на прогрессивный подходный налог избыточны из-за неизбежного ухода части налогоплательщиков в «тень». Один реформированный налог не покончит с бедностью; пересмотру подлежат администрирование и ставки по ряду позиций Налогового кодекса (НК).

3. *Административная реформа*. Ее назначение состоит не в привычном сокращении численности аппарата управления министерств, ведомств, служб, а в оптимизации функционалов, полномочий и процедур координации. Ее «дорожная карта» уточняется по ходу ее реализации (*ad hoc*).

4. *Реформы оплаты труда*. Зарплата и надбавки к ней – наиболее критикуемый бюджетниками аспект российской действительности. Неприемлемые разрывы в доходах по категориям персонала. Недостаточный учет особенностей отраслей, комплексов, профессий. Руководство России понимает остроту ситуации в медицине и образовании.

Названные реформы – в отдельности и вместе – чувствительны для семьи и общества в целом. Здесь важно прислушаться к предостережению античных мыслителей – *kaïros*, то есть проводить преобразования не слишком *рано* и не слишком *поздно*. Доверимся политической интуиции президента и правительства.

Векторы политических перемен

Политический ландшафт России нельзя культивировать по канонам западной политологии. Неосмотрительно забывать печальные уроки Смуты, случившейся не единожды в истории России. Еще не зарубцевалась «рана» (травма), причиненная распадом Советского Союза. Население запредельно устает от издержек рыночной экономики, одиозных проявлений периода первоначального накопления капитала. Тяготы трансформации экономики и общества падают, прежде всего, на плечи «новых бедных». И тем не менее общественный запрос и на политические изменения в сторону народовластия (российской модели демократии) приобрел зримые очертания, подтверждаемые социологами [Петухов, 2018].

Принципиальные поправки в текст Конституции РФ

Конституционное развитие постсоветской России знало драматические эпизоды с неясным финалом. Заговор сторонников монополизма КПСС (ГКЧП, август 1991 г.). Противостояние президента Б. Н. Ельцина и Верховного Совета (так называемого «двоевластия», октябрь 1993 г.). Конституция 1993 года, одобренная на общероссийском референдуме, закрепила основы президентской республики. Россия отразила вооруженные атаки сепаратистов на Кавказе. Преодолена Смута 90-х годов XX в.;

восстановлена вертикаль власти. Она (Конституция) выдержала испытание временем. Закреплены универсальные права и свободы человека и гражданина. Президент России как глава государства наделен особыми полномочиями и несет наивысшую ответственность перед нацией. Провозглашено верховенство права. Названа ориентация социально-экономического развития – социальное государство [Лапин, 2019]. Легитимно функционирует оппозиция... Отменена государственная идеология.

Конституция РФ – это «живая» политико-правовая конструкция; ее дух и буква обязаны адекватно отражать веяния эпохи и отвечать чаяниям граждан. Ее совершенствование назрело. В эпоху конфронтации, отчуждения и эгоизма конституции велено быть *интегратором* российского общества, проводником *справедливости* [Зорькин, 2018, 2019]. До президентских инициатив правоведы обсуждали возможность *нетекстуального* изменения Конституции – через судебные решения (КС, ВС) и правоприменительную практику. Президент настоял на доступности поправок всех площадках публичной политики.

Первоначальный вариант поправок включал три сферы конституционного ведения: 1) соразмерное участие Президента и ГД в формировании федерального правительства; 2) дополнительные требования к кандидатам на выборах Пре-

зидента, а также к правящей элите (запрет на двойное гражданство); 3) расширение отдельных прерогатив Совета Федерации (СФ), Государственного Совета (ГС) и Конституционного Суда (КС). В ходе обсуждения (профессионального и любительского) замечания к тексту Конституции касались глав 2–8.

Ядро конституционных изменений, на наш взгляд, находится в новой формуле взаимодействия триады президент – федеральное правительство – российский парламент. Несовпадение интересов ключевых институтов федеральной власти, видимо, на начальном этапе координации деятельности будет сопровождаться конфликтами, трениями, шероховатостями. Политологам совместно с правоведами предстоит уже сейчас продумывать процедуры поиска компромиссов и привлекать к ним гражданское общество, российские неправительственные организации (НПО).

Эволюция политических партий в России

В XXI веке редко какая страна избежала испытания на устойчивость. Евросоюз обратился к центризму, согласительной практике. Эта политическая доктрина дистанцируется от радикализма *маргиналов* и консерватизма традиционных партий; она воспринимается как помеха и реакции (реставрации), и революции. Центризм в Европе чаще всего привязан не к идеологии, а к *ситуации*. Он реализуется в больших и ма-

лых коалициях в парламентах [Мурашева, 2010].

В России другая политическая история и культура. И центризм еще не имеет прочных корней, но он неизбежен тогда, когда промедление с переменами опасно и разрушительно. Ожидаем, что и в России оппозиция под влиянием конституционной реформы смягчит тональность своей риторики, а правящая партия «ЕР» начнет политические контакты с центристами (в своих рядах и среди оппонентов). К центризму могут тяготеть «Справедливая Россия» (СР) и профсоюзы. Не исключена комбинация системной оппозиции, а также появление мини-партий по мере приближения парламентских и президентских выборов.

КПРФ находится на перепутье, перед рубежом бифуркации. Варианты ее судьбы далеки от оптимизма: а) медленное сползание в маргинальную партию; б) смена руководства и движение к партии социал-демократического типа с паузами и зигзагами; в) тактические альянсы со «Справедливой Россией».

СР и ЛДПР, несмотря на популярность риторики и несхожесть партийных лидеров, логикой эволюции тяготеют к центризму, являя собой правое крыло. Эти партии – каждая в отдельности – найдут, полагаем, линии соприкосновения и мотивы для компромиссов с ЕР в большом и малом.

ЕР должна решиться на обновление своей программы действий

(«дорожные карты» по аналогии с указом Президента от 7 мая 2018 г. ЕР предстоят регулярная ротация и омоложение кадров, от высшего звена до территориальных организаций). Она должна овладеть цифровыми и медийными технологиями общения с избирателями и разными слоями общества. ЕР могла бы налаживать устойчивые контакты с национальными делегациями и близкими партийными фракциями в Европарламенте с перспективой на совместные действия. Следует незамедлительно освобождать партию от недостойных членов, невзирая на занимаемые должности.

Политика – это всегда общение с согласными и несогласными, даже протестующими. В единоробстве с государством протестующая личность чаще всего терпела поражение. Но акции протеста, ставшие массовыми, целенаправленными и организованными (лидерами и через социальные сети), – это реальное противодействие монополии государства. Граждане – это налогоплательщики, члены партий и общественных организаций. Не будем умалять роль «молчаливого большинства», а также тех, кто *вне* выборов и партий. Шаткость равновесия в любом обществе вызывается, с одной стороны, необходимостью *перемен* и заботой о *стабильности* – с другой. Поляризация сторонников перемен и стабильности завершается либо достижением национального компромисса, либо конфронтацией с тяжкими послед-

ствиями, потерями для экономики и благосостояния.

Личность и государство: политический прагматизм

Конституция РФ – выверенный свод взаимных прав и обязанностей гражданина (личности, семьи и государства). Раз понадобилась конституционная реформа, значит, где-то и в чем-то равновесие *de facto* нарушено. Политология не рассматривает судебные прецеденты по нарушению (ущемлению) свобод личности *или* иски государства к физическим и юридическим лицам. В поле нашего внимания *политический прагматизм* взаимодействия человека и государства *по вызовам* современности, которые вызывают *дисбаланс* между *de facto* и *de jure* [Рансьер, 2018; Талапина, 2019].

Право на труд. Роботы и «цифра» – это продукты высоких (инновационных, прорывных) технологий. Но они создают *спрос* на одни трудовые профессии и сокращают на другие. Структура занятости в мире и России кардинально изменится в ближайшие десятилетия. Что делать трудящемуся, работодателю и власти? Набор ретроактивных инструментов ограничен: создание новых рабочих мест; профориентация и переквалификация, достаточный базовый доход всем и каждому. Имеются значимые ограничения на радикальное сокращение рабочего дня и рабочей недели (исключения – дистанционный труд в сфере услуг). Не спасает от

массовой безработицы и трудовая мобильность, ибо завязывается новый узел противоречий между а) привычкой к *оседлости* и б) принуждением к «кочевничеству» (различные виды миграции). Сказываются и различия в транспортной доступности между регионами и странами. Неэластичность рынка труда, вытекающая из сингулярности человека как члена социума, подталкивает трудящихся на экстравагантные меры предотвращения неконтролируемой безработицы, такие как защита рабочих мест (кордоны профсоюзов), налогообложения использования роботов и манипуляторов, длительные общенациональные забастовки на истощение. Ждать ли какой-то версии луддитов в XXI веке?

Право на образование. Образование – это право человека, общественное достояние и обязанность государства. Рыночные начала активно вторгаются в некогда бесплатную сферу: конкурентоспособность вуза; модель университета 3.0 (образование, наука, коммерческий результат); дифференциация вузов (престижные, перспективные и остальные). К неравенству по доходам присоединяется новая разделительная линия для молодежи – доступность и качество образования (от детского сада до университета и далее) продвигается медленно и в острых дискуссиях. На специальном заседании Гос. совета одобрены экстренные меры, как-то: ежегодное увеличение бюджетных

мест в вузах; гибкость образовательных стандартов; сеть учреждений дополнительного образования; научно-образовательные центры (один из них в Ярославской области); субсидии и инвестиции из региональных бюджетов и др.

Своевременная и полная уплата налогов (сборов) – *конституциональная обязанность* работающих и бизнеса. Налоговая дисциплина еще не в чести; ею манкируют и даже оправдывают. Очевидно, что без регулярного поступления налогов и обязательных платежей в бюджеты разных уровней Россия беднеет, лишается финансовых и иных ресурсов для величия и процветания.

Конституционная реформа 2020 года – это инициатива на опережение, прорыв, креативное взаимодействие личности и власти.

Рекомбинация суверенитета и глобализации

Заглавный феномен – сложный с разновекторными трендами. Глобализация, хотя и в кризисе, толкает на расширение сферы международного сотрудничества и, следовательно, на активизацию участия в международных организациях. Однако совокупность внешних и внутренних угроз вынуждает национальные власти прибегать к диверсификации и интенсификации государственно-частного партнерства.

Конституции Европы давным-давно допускают передачу части суверенных прав под юрисдикцию наднациональных органов. Такая

норма зафиксирована и в Конституции РФ 1993 года (ст. 79) с важной оговоркой: «если это не влечет ограничение прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации». Редакция оговорки уточнена в 2020 году. Конституционный суд (КС) России не единожды прибегал к этому условию, если акты международных инстанций нарушали права и интересы граждан, фирм, государственных органов РФ. Аналогичная передача суверенных полномочий предусмотрены в документах Евразийского экономического союза (ЕАЭС, 2014).

Юристы-конституционалисты категорически настаивают на презумпции верховенства суверенитета: передача полномочий не есть лишение суверенитета. Суверенное государство может отозвать свое согласие на участие в международной организации. Политологи, видя коллизии между суверенитетом государства и статусом *de facto*, призывают обстоятельно разобраться в том, добровольно или под давлением внешних сил конкретная страна уступила свои полномочия международной организации.

Каждое суверенное государство опирается в международных делах на *ресурсы*. Ресурс выступает как инструмент влияния и престижа, то есть источник *силы* – «жесткой» или «мягкой» в зависимости от контекста. Таковыми для современной России являются: а) экс-

порт энергоносителей (в том числе и в Китай); б) поставки вооружений и военной техники и в) «гибридные» ресурсы (территория, население, история, золотовалютные ресурсы (ЗВР)). Последние приближаются к цифре в 600 млрд \$.

И еще одна миссия выпала на долю российского государства в атмосфере конфронтации и русофобии – защита русского языка от вульгаризации (собственная беда и вина) и дискриминации на Украине, в странах Балтии, *Польше* (внешние угрозы). Русский язык – это атрибут суверенитета, гарант единства нации и свидетельство идентичности цивилизации. Русский язык и за рубежом (русский мир) – это демонстрация «мягкой силы» России, ее престижа и солидарности.

Истекшее десятилетие (2010-е годы) запомнится как время кровавых и затяжных международных конфликтов (Сирия, Ирак, Ливия, Йемен, Донбасс, Судан, Африка южнее Сахары и др.). Часть этих регионов относится к дальним подступам борьбы с международным терроризмом, включена в сферу стратегических интересов России. Дезэскалация кровотока противостояний амбиций, эгоизмов, религий открыла России исторический шанс быть эффективным и надежным посредником в политическом урегулировании, зачастую опережая инициативы США, *Евросоюза*, НАТО.

Однако не все так радужно во взаимодействии глобализации и суверенитета. Сценарии множатся. Евросоюз допустил перекося в деятельности наднациональных органов (особо – экономической комиссии), что вызвало отторжение ряда интеграционных начинаний и в конечном счете выход Великобритании (Brexit) [Гуласарян, 2019; Холодковский, 2019]. Суверенитету нации – государства противостоят такие агенты глобализации, как транснациональные корпорации (ТНК) и международные неправительственные организации. Попытки движения к суверенитету (вплоть до автаркии) немислимо в эпоху межгосударственных альянсов [Пефтиев, 2019]. Напрашивается паллиатив в международных отношениях – *ситуативное сотрудничество*.

Альтернативные оценки и ожидания

Отклики на Послания *Путина* и поправки к Конституции последовали незамедлительно: сначала журналисты, публицисты, оппоненты, потом – отдельные представители научного сообщества. Экспресс – контент, естественно, не *заменит* полнокровную дискуссию, но и без него двигаться дальше невозможно.

Политолог *А. Мигранян* (ИМЭМО) воспользовался трибуной еженедельника «Эксперт» для изложения своей позиции. Резюме его заметок сведем к сжатым тезисам. Период становления прези-

дентской республики завершен. Нельзя в формуле власти оставлять институты торможения перемен (печальный пример распада СССР). Республика должна быть чисто президентской республикой: никаких «полу», «между» (трудности Франции 70-х годов XX в. и современной Армении). Множество сдержек и противовесов приводит к дисфункциям во власти (отдельные эпизоды из истории США). Не допускать появления внеинституциональных центров принятия решений. Пресекать борьбу лидеров – претендентов друг с другом. До 2024 года разработать и одобрить новую Конституцию, иначе неотвратимая гибель России как великой державы [Мигранян, 2020].

В рамках дискуссии к юбилею Конституции 1993 года *Э. В. Талалина* (Институт государства и права РАН) поделилась своими сомнениями относительно универсальности (естественности) прав человека. Вне сомнения, права и свободы человека и гражданина являются ценностями для западной правовой культуры. Их универсальность – в соблюдении минимальных стандартов поведения власти. Но они *видоизменяются* в других правовых традициях. Точная их формулировка и реализация зависят от гармонизации международного и национального права. Россия держится ближе к европейской модели, но сохраняет возможность политического вмешательства по соображениям безопасности (доступ

к Интернету, ФЗ 2019 года) [Талапина, 2019].

Межгосударственные объединения – наглядная примета глобализации. Их успешное функционирование предопределяется ответами на дилеммы. 1) Что развивать быстрее: экономическую интеграцию и/или политическое сотрудничество (политический альянс, конфедерация, союзное государство, федерация)? 2) Чем и как заменить устаревающий принцип *наднациональности* и ограничения *суверенитета*? Эта коллизия рассматривается в статье *И. В. Болговой и Ю. А. Никитиной* (МГИМО) на материале Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [Болгова, 2019]. Оптимальные развязки таких противоречий еще не найдены (Россия–Беларусь, энергетика).

Из лидеров оппозиционных партий первым обосновал свою позицию на социальную политику и конституционные перемены *С. М. Миронов* от «Справедливой России» (СР). Зачин статьи лидера «СР» обоснован: чего хочет народ? Конечно, социальной справедливости, преодоления бедности. Общественный запрос на справедливость. Население устало от падения доходов, страха за возможный отказ от бесплатной медицинской помощи. Народ «переварил» внешнеполитические успехи России. Новая редакция Конституции должна закрепить ежегодную индексацию пенсий, минимального размера оплаты труда (МРОТ) и

прожиточного минимума (ПМ). Последний подлежит разработке и утверждению по научно-обоснованным стандартам. Ключевые приоритеты – здравоохранение, образование, культура. К профессионализму правительства следует добавить социальное мышление и чуткую реакцию на запросы народа [Миронов, 2020].

Правоведы избегают, как правило, избыточной политизации своих интерпретаций по Конституции РФ. Дискуссии ведутся корректно, доказательно, с различением устоев (базовых принципов) и текущего законодательства (неотложные новации). Однако, сказываются расхождения *и* по миссии конституционного права.

Непримиримая оппозиция (особо среди интеллектуалов) будоражит общественное мнение лукавыми вопросами. Зачем торопимся? Ведь не прояснена концепция государственной власти. Поправки не затрагивают статус президентской республики; выбор сделан в 1993 году. Нынешний президент В. В. Путин получил самую высокую степень доверия народа накануне масштабных изменений. В повестке дня не стоит вопрос о перманентном пребывании главы государства во власти; будут альтернативные кандидаты. Кризиса легитимности нет и, надеюсь, не будет.

Послесловие

Политические новации заложены в поправки в текст Конституции РФ 1993 года. Статус президентской республики сохранен и укреплен. Одновременно расширены и уточнены полномочия Государственной Думы (ГД), Совета Федерации (СФ), Конституционного Суда (КС), других федеральных образований. Найдена формула соразмерного и согласованного участия Президента и ГД в утверждении персонального состава Федерального правительства, ключевого звена исполнительной власти России.

Конституционная реформа дает шансы политическим партиям, общественным движениям, активным гражданам самоутвердиться в качестве конструктивных акторов политической жизни. Конфронтационная риторика должна уступить место в политических дебатах согласительной практике по конкретной повестке дня. Ожидаем поворота в сторону центризма, новой политической доктрины, избегающей и популизма, радикализма. Нынеш-

ние конституционные поправки, надеемся, обретут долголетие и дадут старт будущим преобразованиям на благо России.

Целиком и полностью поддерживаем «регуляторную гильотину», то есть очищение правового массива (корпуса) от нормативных актов советской эпохи, устаревших и недееспособных. Аналогичная операция должна быть осуществлена и в отношении текущих десятилетий. Полагаем, что за истечением срока давности целесообразно приступить к легитимизации приватизационных сделок 90-х годов прошлого века. Разумеется, после возвращения владельцев зарубежных активов под юрисдикцию России и прохождения всех процедур «налоговой амнистии». Подобное «помилование», считаем, политически оправданным.

Наступило время сложных, но стратегически важных решений. В их концептуальном сопровождении должны принять посильное участие и российские политологи, профессионалы смежных наук.

Библиографический список

1. Бек Ульрих Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. Москва : Прогресс – Традиция будущего, 2007. 464 с.
2. Болгова И. В. Евразийский экономический союз между интеграцией и суверенитетом / И. В. Болгова, Ю. А. Никитина // Современная Европа. 2019. № 5. С. 13–22.
3. Власть и политика: исторические вызовы XXI века. Москва : РОССПЭН, 2012. 446 с.
4. Гуласарян А. С. Государство и международные организации: переосмысление суверенитета // Государство и право. 2019. № 8. С. 101–107.

5. Зорькин В. Д. Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. 2018. № 12. С. 5–17.
6. Зорькин В. Д. Справедливость – императив цивилизации права // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 5–14.
7. Лапин Н. И. Социальное государство как конституционный принцип // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 5–10.
8. Мигранян А. Записки политолога // Эксперт. 2020. 3.–9.02. № 6. С. 56–60.
9. Миронов С. М. Вектор грядущих перемен // Независимая газета. 2020, 4.02. С. 7.
10. Мурашева Е. В. Центризм как общественно-политическое явление. Москва : РОССПЭН, 2010. 311 с.
11. Петухов В. В. Динамика социальных настроений и формирование спроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–55.
12. Певтиев В. И. Глобальная политэкономия: история и современность / В. И. Певтиев, В. Е. Гультев, Л. А. Титова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 184 с.
13. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / пер. с англ. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
14. Рансьер Жак. Народ или множество? // Неприкосновенный запас. 2018. № 6. С. 12–19.
15. Талапина Э. В. Об универсальности прав человека // Государство и право. 2019. № 12 (декабрь). С. 57–66.
16. Холодковский К. Г. Глобализация vs национальное государство: попятное движение? // МЭ и МО. 2019. № 12. С. 5–14.

Reference list

1. Bek Ul'rih Vlast' i ejo opponenty v jepohu globalizacii. Novaja vsemirno-politicheskaja jekonomija = Power and its opponents at the time of globalization. New global political economy / per. s nem. Moskva : Progress – Tradicija budushhego, 2007. 464 s.
2. Bolgova I. V. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz mezhdu integraciej i suverenitetom = Eurasian economic union between integration and sovereignty / I. V. Bolgova, Ju. A. Nikitina // Sovremennaja Evropa. 2019. № 5. S. 13–22.
3. Vlast' i politika: istoricheskie vyzovy XXI veka. = Power and politics: historical challenges of the XXI century. Moskva : ROSSPJeN, 2012. 446 s.
4. Gulasarjan A. S. Gosudarstvo i mezhdunarodnye organizacii: pereosmyslenie suvereniteta = The state and international organizations: redefining sovereignty // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 8. S. 101–107.
5. Zor'kin V. D. Konstitucija RF – pravovaja osnova integracii rossijskogo obshhestva = The Constitution of the RF as a legal basis for the integration of Russian society // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 12. S. 5–17.
6. Zor'kin V. D. Spravedlivost' – imperativ civilizacii prava = Justice as an imperative of civilizing the law // Voprosy filosofii. 2019. № 1. S. 5–14.
7. Lapin N. I. Social'noe gosudarstvo kak konstitucionnyj princip = The welfare state as a constitutional principle // Voprosy filosofii. 2019. № 10. S. 5–10.

8. Migranjan A. Zapiski politologa = A political scientist's notes // Jekspert. 2020. 3.–9.02. № 6. S. 56–60.
9. Mironov S. M. Vektor grjadushhih peremen = Vector of the coming changes // Nezavisimaja gazeta. 2020, 4.02. S. 7.
10. Murasheva E. V. Centrizm kak obshhestvenno-politicheskoe javlenie = Centrism as a socio-political phenomenon. Moskva : ROSSPJeN, 2010. 311 s.
11. Petuhov V. V. Dinamika social'nyh nastroenij i formirovanie sprosa na peremeny = The dynamics of social attitudes and the formation of demand for change // Socis. 2018. № 11. S. 40–55.
12. Peftiev V. I. Global'naja politjekonomija: istorija i sovremennost' = Global political economy: history and the present / V. I. Peftiev, V. E. Gul'tjaev, L. A. Titova. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. 184 s.
13. Piketti T. Kapital v XXI veke = Capital in the XXI century / per. s angl. Moskva : Ad Marginem Press, 2016. 592 s.
14. Rans'er Zhak. Narod ili mnozhestvo? = The people or the multitude? // Neprikosnovennyj zapas. 2018. № 6. S. 12–19.
15. Talapina Je. V. Ob universal'nosti prav cheloveka = On universal human rights // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 12 (dekabr'). S. 57–66.
16. Holodkovskij K. G. Globalizacija vs nacional'noe gosudarstvo: popjatnoe dvizhenie? = Globalization vs. the nation state: a backward movement? // MJe i MO. 2019. № 12. S. 5–14.